

*Рекомендовано Ученым советом факультета истории,
археологии и этнологии КазНУ им. аль-Фараби
(протокол №5 от 25.12.2014)*

*Работа выполнена в рамках государственной программы
«Народ в потоке истории» на средства гранта
Научно-прикладная программа Республиканского научного центра
по изучению традиционных цивилизаций Центральной Азии*

Редакционная коллегия:

*Г.Б. Хабижанова (ответственный редактор),
Т.О. Омарбеков, Б.Б. Кармбаев,
М.С. Ногайбаева (зам. ответственного редактора)*

Взаимодействие природы и общества в кочевой цивилизации народов Центральной Азии: сборник научных трудов / отв. ред. Г.Б. Хабижанова. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 170 с.

ISBN 978601-04-1177-7

В статьях авторов сборника получили отражение вопросы экологических сюжетов, сохранившихся в традиционной культуре и мировоззрении тюркоязычных народов, роль этногеосистемы в средневековой истории Казахского ханства, исследование нарастания русского присутствия в Степном крае и Сибири в контексте понимания евразийской политики Российской империи, последствия разрушения традиционного хозяйства казахов в период сталинской силовой модернизации.

Жинақ авторларының мақалаларында экологиялық мәселелер, түркі тілдес халықтардың дүниетанымы мен дәстүрлі мәдениеті, Қазақ хандығының ортағасырлық тарихындағы этногеоәуіесінің ролі, Ресей империясының евразиялық саясатының контекстінде Дала өлкесі мен Сібірдегі орыстардың көбеюіне қатысты зерттеулер, сталиндік күштеу модернизациясы жылдарындағы дәстүрлі шаруашылықтың күйреуінің салдары көрініс тапқан.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Взаимодействие и взаимовлияние мира природы и человека, отражение этого феномена в формировании системы ценностей кочевого общества, этнополитической и социокультурной жизни кочевников Центральной Азии является одной из малоизученных проблем кочевой цивилизации. Особое восприятие кочевников мира природы, повлиявшее на все стороны общественной жизни кочевого социума, в том числе и на формирование социально-политических институтов, является ключом к пониманию этими народами всей системы мироздания.

В основе мировоззрения и культуры кочевников был принцип обеспечения гармонии мира природы и человеческого общества, что в условиях идущих современных процессов глобализации, отсутствия должного внимания экологическим проблемам, кризиса духовности как никогда актуализирует наследие предков. В этой связи в общем понимании происходящих в настоящее время процессов важными являются определенные, ставшими вечными категории-символы, такие как забота о природе и родной земле, различного рода родовые маркеры, свидетельствовавшие о культе природы и тесной взаимосвязи ее с миром человека, их взаимовлияние через взаимодействие. Этим объясняется реактуализация исследований, прослеживающих становление тесной взаимосвязи мира материального с миром духовным, получившим отражение в мировоззрении кочевника Центральной Азии. Ведь потеря этой связи, согласно пониманию кочевников, ассоциировалась с началом космической катастрофы.

Предлагаемые в рамках обозначенной темы научные статьи отражают накопившиеся в науке теоретические знания,

НАШИ АВТОРЫ

Г. ИСКАКОВА – докторант кафедры истории Казахстана Казахского национального университета им. аль-Фараби, г. Алматы

Б.Б. КАРИБАЕВ – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Казахстана, член-корр. Национальной Академии наук РК, Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы

Т.Е. КАРТАЕВА – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы.

М.С. НОГАЙБАЕВА – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Казахстана, Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы.

Т. ОМАРБЕКОВ – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Казахстана, Почетный академик Национальной Академии наук РК, Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы.

Н.О. ТАДЫШЕВА – кандидат исторических наук, заместитель директора БНУ РА научно-исследовательского института алтаистики им. С.С. Суразакова, Россия, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск.

Г.Б. ХАБИЖАНОВА – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Казахстана, Казахский Национальный Университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, г. Алматы.

Л.И. ШЕРСТОВА – доктор исторических наук, доцент, профессор, зав. кафедрой востоковедения, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I. ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	5
<i>Хабижанова Г.Б.</i> Природные ритмы в картине мира кочевников Центральной Азии	5
<i>Тадышева Н.О.</i> Образ Алтая в традиционных представлениях алтайцев	17
<i>Искакова Г.</i> Табиғат пен адам түркі дүниетанымында (VI-X ғғ.).....	22
II. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	30
<i>Кәрібаев Б.Б.</i> XIII-XV ғғ. Сыр бойының Қазақ хандығы үшін манызы	30
<i>Ноғайбаева М.С.</i> Ноғайлы-казак дәуіріндегі этномәдени байланыстары туралы	82
III. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ КОЧЕВНИКОВ.....	96
<i>Шерстова Л.И.</i> Евразийский контекст аборигенной политики Московского царства в Сибири в XVII веке	96
<i>Шерстова Л.И.</i> Этнокультурный перекресток в Азии – Сибирская крепостная линия	109
<i>Картаева Т.К.</i> Қыстық атақоныс (XIX ғ. аяғы – XX ғ. басы).	133
IV. ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ СИЛОВОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	154
<i>Омарбеков Т.</i> Дәстүрлі қазақ шаруашылығын күйрету қалай басталды?	154
Наши авторы.....	168

III. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ И ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ КОЧЕВНИКОВ

Л.И. Шерстова

ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ АБОРИГЕННОЙ ПОЛИТИКИ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА В СИБИРИ В XVII ВЕКЕ¹

Проблема присоединения Сибири и установления русско-аборигенных контактов, несмотря на обилие литературы, остается все такой же актуальной, как и в XVIII в., когда появились первые обобщающие труды по сибирской истории. По-прежнему открытым остается вопрос, поставленный еще Г.В. Вернадским о причинах стремительности завершения этого процесса. Ведь уже в 40-ые гг. XVII в. русские вышли на Тихоокеанское побережье, основав десятки городов, зимовий, острогов и объяснив большинство сибирских народов.

Рассмотрение этой проблемы напрямую связано с определением характера Московской государственности конца XVI-XVII вв., с выяснением ее идеологических, социально-политических и ментальных истоков. Выявление механизмов взаимодействия русской власти и русских пришельцев с аборигенным населением Сибири позволяет определить не только сущностные стороны московской власти, но и особенности политической культуры последних.

Однако, вопрос об уровне и специфике социально-политических институтов аборигенного общества обычно решается в парадигме эволюционного или формационного подходов, заранее помещая аборигенов на стадии догосударственного развития и обрекая их на роль статистов московской политики в Сибири. Между тем в социальных коммуникациях, в то числе и межэт-

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220. №14.В25.31.0009

нических, передача информации идет не только от донора к реципиенту, но и наоборот, и результативность диалога зависит от того, насколько передаваемая и воспринимаемая информация трактуется одинаково. Важным условием для этого является наличие общих представлений и элементов в социальных, политических, экономических отношениях, присущих каждой из взаимодействующих сторон.

Уже исследователями XIX в. отмечалось «полнейшее общение между завоевателями и покоренными», отсутствие вражды и полное житейское сближение русских и туземцев, обыденность «русско-туземных браков» [14, с. 64]. Такая взаимотерпимость разнородного сибирского общества являлась как отражением особенностей государственной аборигенной политики, так и следствием широких русско-аборигенных контактов и во многом определялась спецификой этногенеза русского этноса и большинства народов Сибири. Русские XVII в. по своему этническому состоянию мало отличались от большинства сибирских народов, находясь в состоянии «продолженного этногенеза».

Начало консолидационных процессов русского этноса, т. е. начало его этногенеза относится примерно к XI в., когда мигрировавшая в междуречье Оки и Волги часть восточно-славянского (древнерусского) этноса ассимилировала местные финноязычные группы (мурома, мещера, меря). Результатом оседания переселенцев на новых территориях, где их соседями сделались прежние «хозяева», стала своеобразная «этническая сетка»: расселение первых налагало на расселение вторых, повседневные бытовые и хозяйственные контакты закономерно приводили к этническому взаимодействию [10, с. 8]. В конечном итоге формирующийся великорусский этнос уже к XV в., в числе прочих, растворил в себе финно-угорский субстрат [7, с. 55].

С другой стороны, древние и постоянные контакты восточных славян с Диким Полем, а с XIII в. – с Золотой Ордой, т. е. с тюрко-монгольским миром, этнополитическим фрагментом Центральной Азии, также существенно повлияли на этнокультурный комплекс будущих великороссов, на их вкусы и пристрастия [5, с. 46-50]. Колонизация Прикамья, Приуралья, а затем и Западной Сибири столкнула русских с местными аборигенами – финно-уграми, тюрками, самодийцами. И, поскольку финно-угорский и тюркский субстраты уже органично вошли в

состав великороссов, участвуя когда-то в их этноформировании, в развитии их культуры, постольку русским и на индивидуальном, и на общенациональном уровнях было привычно общение с неславянскими народами.

В связи с этим актуализируется проблема такого феномена как евразийство, понимаемого как результат синтеза культурных элементов народов Евразии. При этом следует отметить, что евразийство это не только влияние Востока на Запад, но и воздействие Запада на Восток, следствием чего были трансформации первоначальных культурных, социально-политических моделей и формирование такой ментальной основы, которая позволяла народам Евразии налаживать продуктивный диалог. Начало формирования евразийского этнокультурного комплекса на границах степи и леса начинается задолго до походов Чингисхана или Батюга и связано с восточными миграциями ранних индоевропейцев (ямники-афанасьевцы, прототохары), ранних индоиранцев (срубники-андроновцы, «арии»), с взаимодействием народов Степи с первыми китайскими государствами Шан-Инь и Чжоу. Позднее движение гуннов и других центрально-азиатских народов, в том числе, ранних тюрков и монголов на Запад усилило процессы культурного синтеза и актуализировало евразийское наследие.

Поэтому, оказавшись в Сибири, русские принесли туда евразийское этногенетическое и субстратное наследие, которое ментально не противопоставляло их этносам Северной Евразии, не предполагало «национального высокомерия» по отношению к ним. К тому же, постоянное расширение территория обитания, за которым не поспевал естественный рост численности русской этнопопуляции и включение в нее все новых неславянских этнических компонентов, препятствовали прочной внутренней консолидации русского этноса, постепенно размывая его, создавая все новые, достаточно нестабильные этнолокальные группы, не позволяя, таким образом, «замкнуться на себе и в себе». В ходе освоения сибирских пространств в русской среде непрерывно протекали в разных сочетаниях разнообразные этнические процессы, т. е. продолжалось сложение великорусского этноса, вернее, одного из его субэтносов – русских сибиряков (старожилов).

Следствием процессов миграции, аккультурации и ассимиляции стали нечеткие этнографические признаки, обилие региональных специфических культурных черт и довольно аморфное этническое самосознание. Поэтому в сознании людей XVI – XVII вв. и даже позднее, понятие «русский» было равнозначно категории «православный» [10, с. 737], т. е. собственно этническая идентификация была настолько невыраженной, что подменялась и подкреплялась конфессиональной. Это обстоятельство является наглядным отражением незавершенности этнической консолидации великороссов, свидетельством отсутствия в этнониме жестко определенного внутреннего национального содержания накануне их прибытия в Сибирь. Последнее обусловило отсутствие пренебрежения, высокомерия, ненависти к «чужим», к нерусским народам. Ксенофобия не являлась и не могла являться ментальной чертой русских периода начального освоения Сибири.

В свою очередь, подавляющее большинство народов Сибири также являлись «открытыми», т. е. не обладали отчетливым этническим самосознанием, внутренне были слабо консолидированы и на ментальном и бытовом уровнях также не были склонны к этническому противопоставлению себя всем остальным, к неприятию и априорной враждебности ко всем «не нашим» [14, с. 58]. Это обстоятельство снимало напряженность первых контактов и создавало условия для дальнейшего взаимодействия.

Следует также отметить, что у большей части сибирских народов широко распространены предания, в которых в основе сюжета лежат представления о цикличности мироздания и течения времени, о том, что каждый временной цикл соотносится с каким-то народом и с определенным типом ландшафта. Изменение этнического состава населения (во многих легендах – появление русских в Сибири) сопровождалось якобы появлением новых природных явлений, в частности – сменой ландшафта. Ярким примером таких умонастроений являются т. н. «чудские легенды», широко распространенные как у сибирских аборигенов, так и у русских. В них нашли выражение архаичные представления о слитности Социума и Космоса, о неизбежности социальных (этнических) и природных изменений и жесткой взаимообусловленности этого процесса.

Такая ментальная установка помогала сибирским аборигенам легче адаптироваться в новых социальных и политических условиях, приспособиться к иному этническому окружению. Она отражала на бессознательном уровне богатый опыт межэтнических контактов, приобретенный ими задолго до встречи с русскими. Приход русских в Сибирь не противоречил циклическому восприятию Вселенной, свойственному аборигенам, а значит, изначально не настраивал их враждебно относительно них. Русский этнос, таким образом, не воспринимался ни как что-то экстраординарное, ни как нечто сверхопасное. Он был органичной частью меняющегося мира, и поэтому его восприятие было безболезненным.

Имея богатый опыт межэтнических контактов и разнообразных культурных связей, аборигены восприняли русскую колонизацию как естественное появление на сибирской земле еще одного этноса, в котором не усматривали ничего необычного.

«Народная колонизация» Сибири подкреплялась планами первых московских царей, которые, внешне не афишируя, на деле ощущали себя правопреемниками монгольских ханов, в частности, Золотой Орды.

Относительно ордынского влияния на политическое и социально-экономическое развитие Московского княжества, а затем и царства в отечественной историографии бытуют диаметрально противоположные мнения: от признания того, что «Москва обязана своим величием ханам» (Н.М. Карамзин, евразийцы) до отрицания важности монгольского влияния на внутреннее развитие Руси (С.М. Соловьев, Б.Д. Греков). Можно согласиться с Г.В. Вернадским в том, что проблема монгольского влияния на Русь многокомпонентна, а также с тем, что «влияние монгольской модели на Московию дало свой полный эффект только после освобождения последней от монголов. Это можно назвать эффектом отложенного действия» [3, с. 340-342]. В связи с этим показателен факт основания в 1452 г. вассального от Москвы татарского княжества в Касимове, а также «передача власти» Иваном Грозным Семеону Бекбулатовичу с последующим возвращением ее себе, что продемонстрировало стремление Москвы принять на себя роль наследника Золотой Орды.

Показателен и факт приема в 1555 г. Иваном IV сибирского хана Едигера Тайбугина и принятие его «Сибирской земли в хо-

лопство», а еще ранее «передача» трона чингизиду Семеону Бекбулатовичу. В связи с этим население Сибири а priori рассматривалось как наследственное владение (улус, вотчина) московского царя, а предпринятые по отношению к Кучуму меры диктовались всего лишь стремлением «вернуть захваченное узурпатором» владение. Взгляд на обитателей Сибири как на подданных Москвы «испокон веков», как на элемент царской вотчины сформировал государственный патернализм в форме «государевой» заботе о них. Таким образом, в государственном понимании «покорение» Сибири сводилось к ее «возвращению» в подданство московского государя, прежде всего, к механическому, желательно поголовному объясачиванию коренного населения.

Сибирское коренное население отчетливо понимало суть даннических отношений и содержание «института господства-подчинения». Данниками-кыштымами сибирских ханов были вогульские, остяцкие княжества: Пельымское, Кондинское, Кодское. Именно под влиянием сибирских ханов у манси и хантов население в административно-фискальном отношении делилось на сотни и десятки, при этом сотня являлась условной величиной без всякого соответствия с реальным количеством входящих в нее людей [1, с. 100-101]. Главным было само наличие тех, кто платил ясак в Кашлык.

В Пегой Орде нарымских селькупов существовало два вида платежей, поступавших маргкоку (великому князю): «калан» – налог, подать и «ерменты» – дань. Первый платили подданные маргкоков, а для плательщиков дани, как правило, завоеванных великими князьями, существовал особый термин «инбат» – данник. Инбатами правителей Пегой Орды являлись отдельные группы северных кетов (возможно, как раз с этим связан этноним одной из северо-кетских общностей), некоторые группы турханских эвенков, отдельные общности кельты-ненцев, а также часть васюганских хантов [8, с. 159].

Мелкие тюркоязычные группы Обь-Енисейского междуречья и Северного Алтая являлись кыштымами енисейских киргизов. Тюркоязычные народы Горного Алтая были полностью инкорпорированы в социально-политическую систему Джунгарского ханства, являясь частью домена правящей чоросской династии. В Прибайкалье буряты собирали дань с южных тунгусов, и рус-

ские застали здесь волости Гейскую, Ийскую, Верхнеокинскую и др., исправно плативших алман бурятам [12, с. 130-131]. Сами тунгусы принимали дань с кетских групп правобережья Енисея и периодически проникали к тюркоязычным качинцам, иногда заходили в Нарымское Приобье. Данниками якутских тойонов были отдельные тунгусские и ламутские группы. Ненцы, проникая в земли обдорских хантов, также стремились собрать с них дань; те в свою очередь пытались обложить данью манси и селькупов.

Таким образом, за исключением народов крайнего Северо-Востока Сибири, особенно чукчей, «не способных, – как отмечает А.С. Зуев, – понять, а тем более принять новую для него систему социально-политических отношений, навязанную русскими и построенную на господстве-подчинении» [6, с. 349], большинство сибирских этносов с пониманием встретило ясачные устремления Москвы.

Проблема русско-чукотского взаимодействия была связана, с одной стороны, с неразвитостью у чукчей потестарных структур и отсутствием опыта даннических отношений, а с другой – достаточно далеко зашедшей их внутриэтнической консолидацией, что объективно усиливало межэтническую оппозицию «свой – чужой». Потому в этом регионе противостояние аборигенных народов и русских осуществлялось как на социально-политическом и экономическом, так и на этническом уровне, что и придало им остроту и бескомпромиссность.

Основная же масса сибирских аборигенов имела достаточно объективные представления о различных формах государственной зависимости. У тюркоязычных народов не только героический эпос, но и бытовые сказки содержат сюжет о необходимой и обязательной уплате албана (дани) своим «царям» всеми животными и птицами. Этот миропорядок, естественно, распространился и на людей. Именно этой ментальной особенностью объясняется факт почти повсеместного изначального согласия основной массы сибирских аборигенов на выплату русским ясача – политический и социальный статус, который предлагала им Москва был понятен, привычен и не унижителен.

Перед русской администрацией стояла задача фискальной и политической переориентации уже зависимого, обложенного алманом населения. Успешному функционированию создавае-

мой русскими ясачной системы способствовала давно воспринятая московской властью центрально-азиатская традиция государственного устройства через улус. Под этим термином и в Золотой Орде, и в русском государстве XVI – XVII вв. подразумевалась не столько территория как таковая, сколько «владение, народ, данный в феодальное держание» [13, с. 118], что, как нельзя лучше, подходило к Сибири с ее подвижным населением, где улус как форма социальной организации был известен задолго до прихода русских.

Таким образом, податная единица определялась не территориально, тем более, что в Сибири XVII в. невозможно было ограничить передвижки населения, а наличием податных душ (ясачных), приписанных к определенному острогу или городу. Следовательно, волость, «землица», «улус», «род» – это не столько территориальные или даже этнические образования, сколько административно-фискальные единицы даннической системы Московского царства в Сибири.

Следовательно, оказавшимся в Сибири русским не нужно было внедрять систему «господства-подчинения», создавать систему даннических отношений: у большинства ее народов она исправно функционировала, подкреплённая административно-фискальными образованиями, которые в русских документах получили названия «землиц», «улусов», «родов», «волостей», «улусов», в основе организации которых лежал не территориальный принцип – а само наличие зависимого населения. Русская ясачная волость по своей сути не отличалась от центрально-азиатского улуса. Понимание Москвой сущности социального устройства сибирских народов привело к формированию такой аборигенной политики, в основе которой лежал принцип невмешательства в их внутреннюю социальную структуру, а также сохранение власти местной элитой при условии ее полного подчинения. Российская власть настолько восприняла этот принцип, что он окончательно закрепился в «Уставе об управлении инородцев» (1822г.) [14, с. 128-138]. Таким образом, положение аборигенного населения Сибири уже в составе Московского царства во многом соответствовало институту унаганбогол в империи Чингисхана, анализ которого дал еще Б.Я.Владимирцов [4, с. 81] что позволило, например, в Горном Алтае воспроизводить джунгарскую модель государственного

устройства, уже находясь в составе Российской империи [15, с. 241-243]. Основное государственное стремление московской власти в XVII в. – усиленный «поиск» все новых тяглых людей, вообще, конечным результатом которого было стремление «привязать» к государству какой-либо повинностью или обязанностью как можно большее число подданных. Этот процесс развернулся по всему Московскому царству, где в XVI – XVII вв. интенсивно формировалась сословная структура. В Сибири это наглядно выразилось в стремительно-целенаправленном объясачивании коренного населения и в привлечении, особенно на начальном этапе, части аборигенов на военную службу.

В условиях, когда русским не хватало собственного воинского контингента, широко использовался потенциал местных князцов, при сохранении за ними их прежних владений и замене ясака военной службой. В наибольшей степени русские власти использовали потенциал сибирских татар. Уже в 1598 г. в походе против Кучума участвовал «татарский корпус»: «добросовестно сражался против своего прежнего сюзерена». Сражавшийся с Ермаком князь Епанча в последствии стал одним из основателей города Туринска на своей земле. Другой противник Ермака – князь Мантмас – позднее вместе с русскими ставил города Тобольск, Тюмень и Тару [1, с. 164-165]. Как отмечал Д.Я. Резун, в 1638 г. юртовские служилые татары составляли в Тобольске 34,5%, в Тюмени – 22%, в Таре – 12% от всего служилого сословия [11, с. 20].

Столь массовое включение татар в состав служилых людей не противоречило ни их собственным ментальным установкам, ни государственной практике Москвы. Симпатии первых в выборе сюзеренов базировались на центральноазиатской установке о том, что служить слабому правителю неприемлемо, поскольку он потерял благосклонность Неба. И наоборот: быть на службе у сильного правителя, даже если он прежде был врагом, престижно. Поэтому стоило Ермаку победить Кучума, а русским доказать свою силу, как они приобрели в части местной «элиты» верных помощников. С другой стороны, Москва с XV в. имела богатый опыт постоянного привлечения на военную службу ордынцев. В Сибири подобная практика получила свое развитие. Оказавшись в составе служилого сословия, сибирские татары, телеуты, чаты, буряты, эвенки сохранили свой воинский статус.

Сибирская политика московских властей полностью вписывалась в общегосударственную политику Московского царства XVII в., сохранявшую многие ордынские черты. Как и в центральноазиатских государствах, особенно в период их становления, важным было не столько завоевание новых земель, сколько умножение числа зависимого населения – данников (албату, кыштымов, ясачных), а также расширение военного сословия. Москва, сохранявшая память об улусе ордынского времени как об административно-фискальной единице даннической системы, способствовала его сохранению у части сибирских народов, которые уже были включены в нее в рамках местных государственных и потестарных образований, либо находясь в сфере влияния монгольских государств.

Более того, зная единственную форму взаимоотношений с покоренными народами (опять же влияние Орды) через дань, московская власть распространила эту систему на те народы Сибири, у которых не существовало каких-либо податных единиц, что приводило к их массовому сопротивлению (бунты коряков, юкагиров, ительменов, русско-чукотские войны первой половины XVIII в.).

Вместе с тем, ордынское наследие выражалось не только в ментальных установках московских царей или в общем духе московской государственности, но и в наличии конкретных экономических интересов, потребностей, устремлений. Тезис о том, что государственные интересы Московского царства в Сибири напрямую были связаны с ясаком (пушной податью) не вызывает сомнений. Из этого происходило два основных направления аборигенной политики государства не только в XVII в., но и позже.

Во-первых, постоянный строгий учет податного контингента и, соответственно, принятие таких мер, которые способствовали бы не только сохранению численности последнего, но и ее росту. Это явствует, например, из «Наказа» Бориса Годунова первым томским воеводам: «полнить волости» [9, с. 139]. Во-вторых, защита ясачных людей не только от их прежних владельцев, но и от произвола и злоупотреблений местных воевод, служилых и промышленных людей. Эта «забота» объясняется разумно-прагматическим государственным интересом, т. е. пре-

жде всего – той исключительной значимостью, которую сибирский ясак получил в наполнении государственной казны.

Внешние политические формы вхождения сибирского населения в состав Московского царства ограничивались не только «приведением под высокую руку государеву» и ясачным обложением, но и принесением ему клятвы верности (шертованием), закреплявшейся обычно взятием в русские города и остроги родственников местной правящей верхушки в качестве заложников-аманатов. По сути, Москва обозначила в Сибири – причем, немедленно и одновременно – три основных своих принципа социально- административной и аборигенной политики: шерть, ясак и аманатство. Причем, от аборигенов требовалось, чтобы клятва на подданство московским правителям приносилась по обычаям, принятым у них. Но, во-первых, эти формы государственной зависимости были издревле известны по всей Центральной Азии и функционировали в дорусской Сибири. Во-вторых, в самой российской государственности они появились под влиянием Золотой Орды. Действительно, переписи населения, сбор дани руками баскаков, а чаще – местными князьями, сохранение монголами статуса правящих князей при условии принесения ими присяги на верность и получение взамен ярлыка – права на княжение; участие в военных походах монголов; долговременные обязательные пребывания князей или их родственников в Сарае, в Каракоруме, а то и просто «в затворе у баскака», т. е. то же аманатство. Страх постоянных, порой беспричинных, набегов ордынцев и т. д. – все это общеизвестные явления российской истории XIII – XIV вв. В Сибири эти же формы взаимоотношений правителей и подданных как бы «ожили», но их проводниками явились уже русские власти.

Следует отметить, что особенно в начале русско-аборигенных контактов (за редким исключением) сибирские аборигены, тем более, чьи-то кыштымы, как правило, в ясаке русским не отказывали, т. к. система данничества сохраняла здесь форму архаического дарообмена. С самого начала доставка ясака в русский город или острог обязательно сопровождалась раздачей подарков – кафтанов, шуб, тканей, всего, кроме оружия, а также совместными пирами служилых и ясачных людей. В «Наказе» царя Бориса Годунова томским воеводам не раз предписывается при встречах с князьями, «лучшими людьми» и простыми ясач-

ными, а тем более, при их шертовании и получении от них ясака «и самим бытии и служилым людям велети бытии в цветном платье». Одаривая обильно всех, «предавшихся под руку государеву», устраивая коллективные угощения [9, с. 139], власть демонстрировала свое богатство. Красивая, яркая одежда, пышное пиршество, обрядовая обстановка несли в себе глубокую смысловую нагрузку, символизируя силу и мощь устроителей церемонии, а через них и Московского царства вообще.

Вышесказанное явилось следствием евразийского начала как в этногенезе русского этноса, так и в политическом наследии Московского царства. Поэтому с административно-фискальной и политической точек зрения последнее ничего нового, неожиданного предложить сибирским аборигенам не могло. Большая их часть вполне комфортно жила в подобных государственно-податных системах, особенно та, которая географически и этнически была связана с тюрко-монгольским миром Центральной Азии. Именно привычностью предлагаемого социального статуса и форм зависимости объясняется та относительная легкость, с которой происходило присоединение Сибири.

Москва принесла в Сибирь единственно известную ей форму государственных отношений в виде даннической системы, но последняя была известна многим сибирским народам задолго до прихода сюда русской власти. Это было общее евразийское политическое наследие, которое Москва, трансформировав, переняла у Золотой Орды, и с которой сибирские народы (или их субстраты) познакомились задолго до этого, находясь в составе центрально-азиатских государств эпохи древности и средневековья.

При взаимодействии московской социально-политической системы с местными государственными или потестарными структурами в XVII веке происходил их синтез, который облегчался общим евразийским наследием «взаимодействующих сторон», евразийским контекстом их исторического развития. Поэтому Сибирь XVII века воспринималась властью как составная часть Московского царства, как часть «царской вотчины, улуса», а ее коренное население – как непрменный элемент русского общества.

Литература

1. Бахрушин С.В. Сибирские служилые татары в XVII веке // Бахрушин С. В. Научные труды. Т.3. Ч. 2. М.: АН СССР. 1955.
2. Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т.3 Ч.2. М.: АН СССР. 1955.
3. Вернадский Г.В. Русская история. М.: Аграф. 1977.
4. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. М-Л., 1934. С.81
5. Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. СПб.: ЮНА. 1992.
6. Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII). Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 2009.
7. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Кн. 1. Ростов-на-Дону: Феникс. 1998.
8. Пелих Г.И. Селькупы XVII века, Очерки социально-экономической истории. Новосибирск: Наука. 1981.
9. Пугачев А. Древнейший документ о нашем городе // Томск. Март-июнь. 1946.
10. Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука. 1997
11. Резун Д. Я. На сибирском фронтире в XVII в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII в. XX вв.: общее и особенное / Новосибирск: Наука. Вып. 2. 2002.
12. Туголуков В.А. Эвенки // Этническая история народов Севера / Отв. ред. И.С. Гуревич. М.: Наука. 1982.
13. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ. 1973.
14. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2005.
15. Шерстова Л.И. Горный Алтай в XVI-XX веках: джунгарское этнокультурное наследие / История и культура народов степной Евразии: материалы Международного конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул: Изд-во АлГУ. 2012.